

Раньше, когда я был пацаном, то как последний дурак верил абсолютно всему.

Алфавит. - 2002 - июнь (№23) - с. 26, 27

Леонид Жу-
ховицкий
—
мэтр. Число
его учеников
велико, среди
них много лю-
дей самых раз-
ных, ведь Жу-
ховицкий вёл
семинары мо-
лодых писате-

лей (и сейчас ведёт специфический курс "Писатель за десять занятий"). Сам будучи писателем, публицистом, драматургом, Леонид Аронович вряд ли сможет сразу вспомнить все свои публикации. Да и после длительного раздумья — тоже. Но обозреватель "Алфавита" Дмитрий СТАХОВ, также причисляющий себя к ученикам Жуховицкого, решил побеседовать с ним не о писательском мастерстве и не о нынешней журналистике, не к ночи будь помянута...

— Леонид Аронович, вы идейный человек?

— В каком смысле?

— В самом прямом — выстраивая планы своей жизни, вы в первую очередь руководствуетесь какими-то идеями или пристраиваетесь к окружающему миру?

— Мне не очень нравится слово "пристраиваетесь"...

— Ну, это в хорошем смысле. Ладно, давайте начнём с того, какие идеи были близки вам сорок лет назад.

— Надо взять пятьдесят... А раньше, когда я был пацаном, то как последний дурак верил абсолютно всему. В учебниках английского языка рассказывалось, что в Лондоне безработные живут под мостами. И я верил. Верил, что наши рабочие живут лучше всех в мире. Для миллионов жителей планеты смерть Сталина была радостью, а для меня — великой трагедией. На траурном митинге в Литинституте мы выступали с Женей Евтушенко. И для него это была трагедия.

— Вы и на похороны ходили?

— Я с девочкой-соседкой пошёл пешком к Бульварному кольцу, откуда начиналась очередь в Колонный зал. Часа за два мы дошли до Сретенки, и нас спасло то, что я был сильно простужен, уже у самой очереди себя так плохо почувствовал, что мы перелезли через ограду бульварчика и вернулись. И когда мы уже уходили, то слышали впереди крики. А это кричали люди, которых давили в толпе на Трубной площади...

— В коммунистическую идею верили вполне приличные люди. А Сталин и идея коммунизма не одно

равнение на сторону

Леонид Жуховицкий:
«Я нашёл идею — надо жить мимо системы»

и то же. Получилось, что от красивых идей до их воплощения — дистанция огромного размера. И в реальности начался террор против собственной страны.

— Зазор между идеями и практикой велик везде.

— Но не везде в этот зазор вливают миллионы человеческих жизней.

— А потому, что мы говорим о стране без опыта демократии. Демократия словно подушка безопасности в автомобиле. Наш автомобиль, к сожалению, такой системой оборудован не был. Опыту демократии в России только лет десять! А правила в России всегда те, кто был ей навязан.

— Что же лежит между идеями и их воплощением?

— Может, рассудок, а может, и полуграмотный фанатизм. Вот в современном терроризме несомненно есть идея. Иначе бы все эти камикадзе не шли бы на смерть. Правда, они прямоком отправляются в пекло. Но они же этого не знают.

— Наверное, у них другое представление о загробном мире. Но как вы считаете — есть ли у идей своя жизнь?

— Конечно, есть. Ведь они, например, выраждаются, словно люди. Ленина сейчас представляют только как разрушителя. Но империю развалили сами Романовы, которые не знали, что делать с имперской идеей, не могли эту идею направить в положительно-практическое русло. И к началу XX века система начала разваливаться изнутри. Ленин же почти всё собрал. Собрал на идею интернационализма, равноправия, свободы выхода.

— И считал демократию буржуазной выдумкой. И не все жители, скажем, той же Украины хотели жить в СССР. Нельзя же думать, что

позже прибалтийские республики в самом деле изъявляли желание войти в состав СССР. Ленин просто возродил отработанную идею империи в новой упаковке.

— Ну, это сделал Сталин, а не Ленин. Главное же в том, что были чисто прагматические причины жить вместе.

— Польша, например, не хотела жить вместе.

— Ну её и отпустили.

— Потому что Пилсудский вложил Тухачевскому по первое число. А раньше, лет так за сто сорок, русские силком взяли к себе все эти земли. Непонятно только — зачем. Получается, что идеи, которыми руководствуется и руководствовалась наша огромная страна, это одно, а люди следуют совсем другому. И эти идеи не стыкуются.

— Бывает, и стыкуются.

— Вы имеете в виду трудовой энтузиазм? Поездки на целину? Но идеи общие всегда противоречили идеям частным. Вам так не кажется?

— Не кажется. Я думаю, что большинство идей, исходящих сверху, всё-таки идеи прагматичные. Кроме редких периодов, когда во главе государства оказывался либо подонок, либо ничтожество. Общие идеи не противоречили частным, а скорее давали им направление. Когда несколько лет назад Борис Николаевич дал своим помощникам задание разработать национальную идею, то это вызвало всеобщий хохот и издёвки. Ельцин, как человек демократичный, никогда не мстил журналистам. И они оттягивались. Но национальная идея вполне разумная вещь, если, конечно, понимать её не как пресловутую духовность или соборность, на которых спекулируют все, кому не лень. А за

фантомы люди платят жизнями!

— Так что же такое национальная идея?

— План развития страны на обозримое будущее.

— Как-то очень скромно. А где же высокие мотивы?

— Они и подпитывают этот план. Какая идея может быть у нынешней России? Вот я пришёл к выводу: для того чтобы разработать некий план страны, нужно как минимум иметь нацию. Одну. А в России сто девяносто наций. Значит, и идей должно быть сто девяносто? Но такое многообразие разорвёт любую, самую прочную страну. Россия не самая прочная.

— А как быть с принципом "Не хотите вместе жить — расходитесь по национальным квартирам!"

— Это преступная иллюзия, а не принцип. Если корабль разломать на сто девяносто маленьких частей, это будет не сто девяносто маленьких судёнышек, а сто девяносто обломков. И все они потонут. Независимо от того, большой обломок или маленький. И когда очень интеллигентные и порядочные люди предлагали создать Республику Русь, убрав из состава все автономии, на мой взгляд, этот план прямым ходом вёл к общей гибели. Республики Русь — в том числе.

— То есть вы — идейный государственный?

— Не знаю, идейный или нет, но когда в течение десятилетий или веков создаётся худо-бедно некая государственная общность, то мы имеем пространство, пророщенное миллионами кровеносных сосудов. Железные дороги в том числе. Человеческие отношения в том числе. Сейчас надо обезопасить Россию от возможного развала.

— Он ей грозит?

— Конечно, как грозит любой боль-

шой, многонациональной стране. Лет сорок-сорок пять тому назад в США была угроза развала, когда достигло своего пика движение чёрного населения, составлявшего тогда всего-то около 10-12 процентов. Вот мы смеёмся над американской политкорректностью. Над тем, что в фильме обязательно из пары полицейских один чёрный, что крупные посты в огромных компаниях, опять же таки по фильмам, занимают женщины.

– А это не так?

– Думаю, не совсем так, но фильмы формируют особенный взгляд. Взгляд политкорректного человека. Искусство учит людей не просто толерантности. А почти братству. И они покончили с расизмом. Он несомненно существует, но в скрытых формах, загнанный в подвалы. Потому что человек, который в обществе произнесёт слово "негр", может поставить крест на своей карьере. В любой сфере. Там не государство следит за этой самой политкорректностью. Там это делает общество!

– Ну, там имеется общественное мнение! А в России оно отсутствует.

– Поэтому процесс строительства национальной идеи идёт с таким скрипом. Он должен не спускаться сверху, а идти от общества. Идея в том, чтобы осознать себя единой нацией. В России может быть только российская нация. В России множество этносов, но нация должна быть одна. Во всём мире нация – синоним гражданства. Когда мы пересекаем границу, мы же не пишем "татарин", "башкир", "еврей". Мы пишем – Россия.

– Само понятие "российская нация" многим не нравится. От жителей автономий до скинхедов. Считается, что от него веет космополитизмом...

– Эти скинхеды совершенно очевидные предатели, и предают они не российское многонациональное государство, а русский этнос!

– Каким образом?

– В бывших республиках СССР 25 миллионов русских и так называемых русскоязычных. Каждая фашистская акция в России страшным эхом отдаётся на этих людях.

– У скинсов философия простая: чем мы сильнее здесь, тем больше нас боятся там. У них железная логика: вот мы здесь всех чёрных, узкоглазых прижмём, тогда наших там и не тронут.

– Да им наплевать на судьбу русских вне России! Их лидеры спят и видят, чтобы где-нибудь устроили русский погром. Потому что это даст им возможность урвать свой кусок в легальной политике. Других шансов у них нет. Тогда

они будут выглядеть защитниками русских на всём белом свете. Но для этого им нужна русская кровь.

– Созданием национальной идеи занимаются очень разные люди. Например, вы, человек либеральных взглядов, демократ. Но ею занимаются и те, кто исповедует почти нацистские взгляды.

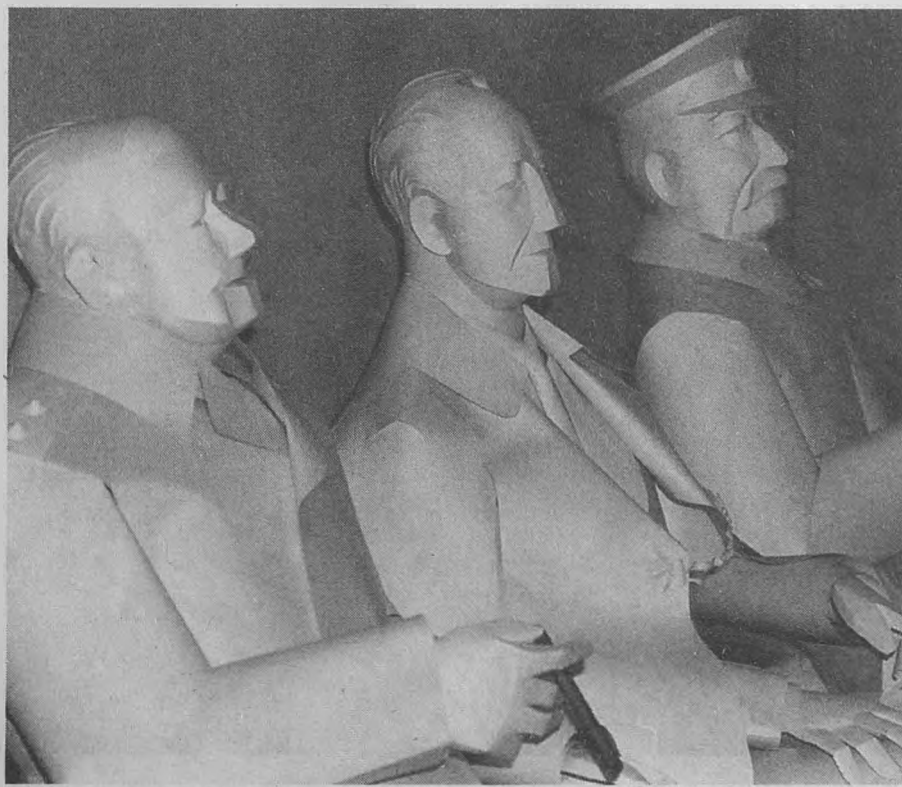
– У них не может быть национальной идеи. У них идея этническая!

– Это вы так говорите! Они же убеждены в обратном. Они говорят: первое – Россия для русских...

– Вот! Это и есть этническая идея. Будто наша страна существует для одного этноса.

Для того, чтобы Россия не развалилась, должна быть выдвинута

объединяющая идея. Культурная база уже есть. Это великая русская культура, которую создавали представители всех российских этносов. Великая русская литература. Вы посмотрите на портреты русских классиков. Ни одного похожего лица. Во всех видны черты разных этносов. Татары, абиссинцы, поляки, украинцы, испанцы, шотландцы. И русские, конечно. Немцы и чехи. Грузины. В многообразии сила. Стоит из Москвы изгнать всех, так сказать, инородцев, и Москва станет заштатным провинциальным городом. Моноэтничны только провинции. Все мировые центры – полиэтничны. Каждая пчела несёт свою каплю нектара.

– А как ваши собственные идеи вписываются в идеи общие? И каковы они? Какой путь прошли?

– Частные идеи есть у каждого человека, у каждой деревни. Мостик построить. Сделать ремонт в квартире.

– Хорошо, какая была идея у вас как человека пишущего?

– Когда я понял во второй половине 50-х, что страна, в которой я живу, не просто неидеальна, а очень тяжела для жизни миллионов, что каток может раздавить судьбы так же, как и раньше, то, естественно, стал задумываться над тем, что я должен сделать как писатель. Я всегда понимал, что написанное есть послание к читателю. Исповедь и проповедь. Для меня они всегда были неразрывны. "Выхожу один я на дорогу" – призыв к девушкам гулять с поэтами, поэту одному гулять скучно. Действительно, если бы Михаил Юрьевич во Дворце спорта на поэтическом вечере прочёл эти стихи, то за ним бы увязался табун красивых девушек. Которые, конечно, хотели бы утешить человека, такого глубокого и опечаленного. И вот я задумался – в чём будет моё послание? Сказать молодым ребятам: боритесь с этой системой? Но как можно бороться с машиной? Сказать: живите в мире с этой системой? Это тоже гибельно: можно потерять себя, стать полутрупом. Таких я знал, таким я никогда не завидовал. И тогда я нашёл идею – надо жить Мимо системы. Не против и не за, а мимо. Жить своей жизнью. У нас отняли возможность влиять на судьбу собственного государства. Учиться, где хотим, ездить, куда хотим. Но у нас отсталась возможность любить и дружить. И вот эти две возможности вполне способны сделать человеческую жизнь счастливой.

– Наверное, даже только они. И если их нет, то это уже не человеческая жизнь.

– Именно! Поэтому-то я всю жизнь писал о любви. Мне казалось сначала, что это ниша, где можно не врать, а потом, когда настала свобода, я понял: наверное, ничего нет важнее. Коммунистическую диктатуру свалили не политики и диссиденты, а десятки миллионов людей, в постели к которым пыталась заглянуть власть. И людям это надоело. Любящие всей страны объединились и развалили тюрьму, которая посягала не только на их экономические и политические права, но и на их любовь. На их личную жизнь. Вот это было и остаётся моей идеей.

От редакции.

Пользуясь случаем, сердечно поздравляем Леонида Жуховицкого с семидесятилетием.